18+

Элена Грибовская

Стоит лишь начать замечать
то, что дарит радость...

Прикосновения

Элена Грибовская

Прикосновения. Стоит лишь начать замечать то, что дарит радость…

«Издательские решения»

Грибовская Э.

Прикосновения. Стоит лишь начать замечать то, что дарит радость… / Э. Грибовская — «Издательские решения»,

У вас в руках книга-знакомство — сборник историй и зарисовок разных лет, в котором, где-то иронично, а местами — поэтично, рассказываю: о Питере, любви, красоте природы, о других людях и немного о себе.Каждый новый день жизни дарит возможности. И я иду в город или выбираюсь на природу. Соприкасаясь, слушаю, наблюдаю, накапливая впечатления, а после — пишу. Получается текст. Опубликованный, он становится точкой контакта автора с читателем.Мне бы хотелось, чтобы про эту книгу сказали — добрая!

© Грибовская Э.
© Издательские решения

Содержание

Для начала 6
Про влюблённость 6
Глава 1 7
Признание в любви 8
В нашем городе весна 9
Потерянный человек 10
Точка на воде 13
Глазированный сырок 18
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Прикосновения
Стоит лишь начать замечать то, что дарит радость…

Элена Грибовская

Корректор Светлана Харитонова
Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Элена Грибовская, 2026
© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-6332-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Для начала

Про влюблённость

У меня не получается отмечать День всех влюблённых в официально назначенную дату. Вот так выходит, что не совпадаю я. Да и одного дня мне недостаточно.

Влюблённость — это же что-то неожиданное, спонтанное… Полёт! Ты не замечаешь, как становишься очень лёгкой, почти невесомой.

Всё вокруг видится иначе: расцветает и приобретает яркость, как будто бы в пространстве включили свет и музыку. Звуки, такие трогательные и волнующие, и они повсюду, а главным образом звучат внутри тебя особенно трепетно.

Розовый цвет никогда не любила, а тут взяла и примерила.

Когда ты влюблена, ты не задаёшь вопросов. Ты же всё чувствуешь и веришь только своим ощущениям, а они пре-крас-ны! Да какие могут быть вопросы? Тебе всё понятно: он — тот самый и он — идеальный!

Замечаешь, что солнце светит для тебя, луна и звёзды так только для того и существуют, чтобы ими любовались влюблённые! Был резкий ветер — стал ласковый ветерок, он тоже для тебя: треплет волосы, накидывает пряди на лицо, помогая скрыть смущение. А ещё закат на берегу моря, костерок и лунная дорожка. И вы под тоненьким пледом жмётесь друг к другу. Обходитесь без слов, а если и говорите, то совсем тихо, чтоб не вспугнуть, не утратить необъяснимое притяжение, что позволяет понимать чувства друг друга даже на расстоянии, то неуловимое и незримое, понятное только вам.

Дождь нагонял грусть, а сейчас лишь приятно освежает. И тебе восемнадцать лет всегда, когда ты влюблена.

Нет, всё же есть один вопрос: «Как можно устать целоваться? Вот как это возможно?!»

Все влюблённые красивые и заметные. В них ощущается сердечный трепет такой частоты и звонкости, что должен быть слышен всем вокруг. Их улыбки открыты и щедры, а взгляды выразительны, и в лучистых глазах нескрываемая нежность. Хочется на них смотреть не отрываясь, смотреть и улыбаться про своё.

Вечная весна сердца!

И книга эта появилась тогда, когда возникло во мне желание и чувствование: вот оно, то самое состояние, тогда и пишу об этом, тогда и готова об этом говорить…

Глава 1
Неслучайные встречи

Любить — значит светить… Это умение делиться
душевным теплом, проявлять чуткость, понимание и поддержку, всё то, что сближает людей, делая их
по-настоящему близкими.

Признание в любви

Питер, я тебя люблю…
Твоих мостов затейливые своды
И набережных твердь,
Величие соборов…
Восторг души!
И как не восхититься
Убранством улиц Северной столицы!
Уютом скверов, парков и аллей,
Загадкою оконных витражей.
Дворцы, музеи… Как чувства передать,
Как взглядом мне тебя обнять!
Неповторимый, чудный град!
Носивший имя Ленинград.
Ты наша гордость! Ты — герой!
Истории наполнен глубиной.
Не устаю бродить и любоваться,
Тобой готова вдохновляться
Без устали… Поверь!
Размахом статных площадей.
Фонтанов пенные потоки
Взмывают ввысь!
И не вмещают строки эмоций шквал…
Закатов переливы,
Песчаный берег Финского залива
К тебе влекут…

В нашем городе весна

Питер — это мой родной город, вдохновляющий друг, учитель. Город-загадка, проводник по жизни. Город, в котором случаются чудеса с теми, кто их замечает, не ссылаясь на совпадения.

Сегодня город залит светом, то же было и вчера, и всю прошлую неделю, что становится привычным! Это я про присутствие солнца, и это не то, что мы знаем о нём, предполагая, что оно где-то там за тучами таится, не-е-ет, оно с нами, здесь, старательно «делает» нам день, развеивая репутацию Петербурга как идеального города для съёмки чёрно-белых фотографий, где, сквозь нависающее серостью небо, изредка пробивается… Теперь всё иначе!

Однако признаюсь — было, было такое утро, когда встаёшь, смотришь в окно, а там: мотающиеся из стороны в сторону деревья, съёжившиеся торопливые прохожие, низкие тучи выкидывают из себя морось. «Вот, — думаю, — нормально! Узнаю тебя, любимый город! Мы уже привыкли забывать дома зонты, а тут пожалуйста вам — классический пример неприглядной погоды: это теперь на неделю затянуло. Можно вновь принимать витамин D3, благо, нам не привыкать».

И как же я была рада ошибиться в своих прогнозах! День погода попыхтела, а утром следующего дня, тада-а-ам — вновь наблюдаем солнце, появились краски. Природа угомонилась, облака так же прибывают в покое. Люди чинно ходят на вдохе и, с удовольствием щуря глаза, бормочут: «Как слепит-то, как слепит!», но глаз не прячут…

Город ожил, приободрился, даже помолодел. Стал игриво посматривать на прохожих, горделиво демонстрируя красоты фасадов зданий, мостов и набережных — это Питер, по которому мне хочется бежать вприпрыжку, в порыве детского нетерпения везде успеть, всё увидеть, поприветствовать, запомнить! И его стоит запомнить — отличный день жизни!

В нашем городе весна!

Потерянный человек

В город я выезжаю редко, в основном по поводу. Говоря «город», я имею в виду центральную часть крупного мегаполиса. А раз уж всё равно еду, стараюсь на этот день организовать ряд встреч: в первую очередь с теми, кто всегда рад меня видеть и это взаимно, во вторую — уже с теми, с кем были мы дружны когда-то, а теперь вечно откладываем нашу встречу на момент «когда сойдутся звёзды». Периодически напоминаю им о себе, звонком или сообщением, в надежде, что в этот раз звёзды всё же позволят нам посмотреть друг на друга и обменяться не только информацией, как бывает при онлайн-созвоне, когда в вопросе: «Ну, ты как? Рассказывай…», слышится: говори коротенько, только самое главное, но и без спешки поговорить, уловить настроение. Важно и самого человека рассмотреть, вникнуть не только в его слова, но и в то, что не сказано, а на это нужно время.

Да и сам вопрос ставит в тупик, ведь не понятно, с какого момента рассказывать! Ведь не спросишь: «А мы на каком событии остановились в прошлый раз?» Не спросишь… Понятно же, что он не вспомнит, да и я сама уже не помню. Вот поэтому и откладываем встречи годами, ссылаясь то на плотность графика, то на важность рабочего момента, перекладывая ответственность за поддержание дружеских отношений на небесные светила. Я всё понимаю, и всё же…

Ещё есть те, к кому нужно заехать по делам или какой иной надобности.

За неделю до того со всеми связывалась, договаривалась, ждала подтверждений, переставляла по времени. В результате, желая всё желаемое впихнуть в один выделенный для этого день, запланировала столько, что всюду успеть представлялось возможным только в случае, если никто нигде не опоздает, получится соблюсти чёткие временные рамки в разговорах и промчаться галопом с чашкой кофе по знакомым.

Я заранее предполагала, что вечером всё же придётся рассказывать дома о бесконечных городских пробках, качая головой и вздыхая о том, что я снова ничего не успела доделать, договорить и нужно снова планироваться, встречаться, но только уж на этот раз нормально, с запасом по времени, чтобы спокойно… Ну, вы знаете, как это бывает.

И всё же приятно побыть в активном потоке жизни большого города.

Закончив одно дело, я отправилась на следующую встречу, которая перенеслась на час. Время позволяло заскочить в сетевое кафе — перекусить и определиться, куда я успеваю, а куда уже точно нет. Хотела ограничиться супом, но там так вкусно пахло сдобой, что я не удержалась от порции пирога и с подносом двинулась на поиски свободного места.

В глубине зала, у большого панорамного окна стояли в ряд столики на одного-двоих человек, объединённые единым диванчиком. Все столы были заняты. Гости кафе сосредоточенно, изолировавшись наушниками, поглощали обеденные наборы и информацию, не отводя глаз от телефонов.

Один из столов был пуст, но за ним без всякого движения сидел человек. Это был мужчина, сухощавый, возраст которого определить было сложно, можно лишь предполагать, что шестидесятилетний рубеж им пройден. Его удлинённые вьющиеся волосы, всклокоченные, с изрядной сединой, обрамляли лицо. Глубокие морщины, острый нос, впалые щёки делали его светлые глаза, с белёсыми ресницами, особенно выразительными. На нём была основательно потёртая куртка, некогда коричневая замшевая, фасоном похожая на пиджак. Небрежно намотанный пёстрый шарф свободными петлями свисал на грудь. Заметной была его клетчатая рубашка из того же времени, что и куртка, с пуговицами, непохожими одна на другую.

Продолжая глазами искать место, чтобы пристроиться с подносом, внимание моё снова и снова возвращалось к этому одиноко сидящему человеку. Его образ отличался нестандартностью, что так свойственно творческой натуре. В городе много чудаковато одетых людей — это уже никого не удивляет. «Что же? Что же заставляет меня поглядывать на него? Хаотичность

волос, что так контрастирует с неподвижностью фигуры? Лицо без эмоций, взгляд?» Он смотрел прямо перед собой сосредоточенно и в то же время растерянно, как будто пытаясь понять: зачем он здесь? надолго ли? как сюда попал?

«Кто он? — думала я. — Музыкант, а может быть, художник или литератор?» Но ни гитары, ни иного видимого мне музыкального инструмента при нём не было, так же как и не было отталкивающего запаха, присущего людям без определённого места жительства. Была лишь сумка-котомка на длинном ремне, убранная за спину.

Меньше минуты я кружилась с подносом в руках и, не найдя приветливых глаз, приглашающих присоединиться, чтоб составить им компанию, подошла к нему и спросила, могу ли я присесть за его стол. Он лишь на миг перевёл на меня взгляд и произнёс спокойным, ровным голосом:

— Да, пожалуйста, — чуть отстранился от стола и убрал с него руки.

Не успела я присесть, как гости за соседним столом засобирались уходить, и я перебралась на освободившееся место у окна. Так мы стали соседями по диванчику.

Я пила кофе, копалась в телефоне и время от времени посматривала на этого мужчину. А он продолжал просто сидеть и смотреть перед собой. Телефон он не доставал, на открывающуюся входную дверь не реагировал и не осматривался, как бывает в тех случаях, когда кого-то ждёшь. Он не искал общения, и случайных угощений от доброжелательно настроенных граждан он тоже не искал. Он никого и ничего не ждал. Так прошло минут сорок, и я начала всё сильнее ощущать волнение, и оно было, определённо, связано с ним.

Мне уже пора было выдвигаться к месту следующей встречи. Кофе я давно допила, но уже не могла просто так уйти. И чтобы развеять свои тревоги и успокоить разгулявшееся воображение, я решила спросить, не нужна ли ему помощь. Вставая из-за стола, я вновь оказалась перед ним с подносом в руках и простым вопросом:

— У вас всё в порядке?

— Я не знаю, что вам ответить, — прозвучало чуть слышно.

Пытаясь что-то прояснить, я продолжила:

— Вы хорошо себя чувствуете? Просто вы сидите здесь… — незаконченная фраза повисла в воздухе.

Он посмотрел на меня удивленно:

— А мне некуда идти. У меня нет дома. Я сижу здесь и жду, когда откроется дом помощи. Тогда пойду туда, — сказал и продолжил всматриваться в пространство.

Я растерялась и не знала, что сказать. Хотелось что-то сделать для него, и я не нашла ничего лучше, чем спросить:

— А хотите поесть?

В его глазах забрезжила искорка оживления:

— Хорошо бы выпить кофе! Знаете, я страсть как хочу кофе!

— Ну хорошо! Пойдёмте. Закажем вам кофе.

Он поднялся, снял котомку и положил её на диван видимо, желая сохранить за собой это место у окна. Я уже была у стойки заказов, когда он подошёл и стал рассеянным взглядом осматривать витрины, словно видел их в первый раз, при этом постоянно оборачивался, стараясь не терять из виду свою сумку. Подошла наша очередь:

— Ну, что вы будете? Заказывайте!

Он оказался последовательным в своём желании:

— Я буду чёрный кофе.

— Американо, — добавила я утвердительно для девушки за кассой.

— С молоком или без? — уточнила она.

— Без молока, — с некоторой паузой произнёс он.

— Большой или маленький?

Простой вопрос вновь заставил его задуматься. Он вопросительно посмотрел на меня, испытывая очевидную неловкость ситуации.

— Большой, пожалуйста, — снова включилась я в разговор.

— Десерты, выпечку желаете? — продолжила озвучивать свои привычные вопросы продавец, глядя на него в упор.

И вновь я увидела в его глазах растерянность, какая бывает у ребёнка в новой для него, непривычной ситуации.

— Наверно, всё же стоит перекусить. Как вы полагаете? — мои слова были обращены к нему.

— Пожалуй, я что-нибудь бы съел, — сказал и снова начал метаться глазами по витрине, обильно уставленной пирогами и тортами, — да хоть бы вот этот пирожок. Да, вот этот, с капустой. И это всё! — подытожил он с упором на слове «всё».

К слову сказать, он выбрал самое недорогое, что было представлено на той витрине.

Я задержалась у кассы, расплачиваясь, когда он уже забирал заказ в месте его выдачи. Взял поднос, произнёс в мою сторону: «Благодарствую» — и с достоинством проследовал к своему столику. Не было в его словах ничего показного или льстивого. Кивнув в ответ, я выскочила на улицу и помчалась к метро, понимая, что уже опаздываю, на ходу звоня по телефону…

Этого человека, нашу с ним встречу я вспоминала неоднократно. Знаете, я благодарна ему за то, что он показал мне, как можно принимать поддержку, когда она действительно необходима.

Сожалею я лишь о том, что не узнала его имя, не задержалась тогда с ним подольше. Его слова, взгляд, да весь облик говорил о том, что потерялся он в жизни и что с этим делать, ему не понятно. Надо было, конечно, порасспрашивать его о разном. Возможно, в этом было бы больше пользы. Не знаю…

Дела. Заботы. Жизнь большого города увлекательна и динамично задаёт темп, заставляя бежать куда-то. И я бегу…

Послесловие

Через пару недель я вновь оказалась в том же районе города и зашла в то же кафе, в надежде ещё раз встретиться с ним. Я зашла туда специально, ведь решение об этом пришло ко мне в тот момент, когда я спускалась в метро после нашей первой встречи. Зашла и сразу посмотрела в сторону панорамного окна и столика с диванчиком. Там сидели люди. Совсем другие люди. «Значит, он нашёл дом», — почему-то подумала я.

Точка на воде

— Доча, иди, помоги мне на кухне, — требовательный женский голос был услышан в комнате, где на табуретке, вместо стола, расположилась маленькая девочка с тетрадкой и цветными карандашами.

— Я не могу, я рисую, — понёсся в кухню ответ.

— Так заканчивай и приходи, — не унимался тот же голос из кухни.

«Заканчивать?! Как заканчивать! — На её остром, бледном личике, недовольно заёрзал вздёрнутый носик. — Да я только начала. Вот так всегда…» — Возмущённые мысли как бойкие стрекозы метнулись, но были отловлены, и девочка, опасаясь быть наказанной, проскулила просящим голоском:

— Ну мам, тут всё только началось…

Рисунки, рисунки разложены везде, куда смогла дотянуться девочка. Имя Даша выбрал для неё отец, который с ними не жил.

В дверном проёме показался женский силуэт.

— Сидишь всё? В платье, на полу! А почему с куклой не играешь? Тебе ж подарили!

— Не хочу, скучно с ней.

— Девчонки вон скачут во дворе. Шла бы к ним тогда.

— Ладно, — устав сопротивляться, пробормотала девочка.

Вставая, она подтянула гольфы, поправила туго заплетённые косички, торчащие стрелочками по сторонам, закрыла тетрадь и сунула её в рюкзачок. Туда же отправились карандаши, все, что удалось незаметно захватить детской ладошкой.

Выйдя на улицу, Даша прошла мимо шумной площадки для игр в сквер, устроилась на лавочке, раскрыла тетрадь и продолжила рисовать.

— Ты что, не слышишь, — прозвучало над самым Дашиным ухом. Похожая на маленькую птичку, она встрепенулась всем телом, спешно подняла голову на склонившуюся над ней мать, рассеянно хлопая глазами. — Зову тебя, зову! Ну что мне с тобой делать? На вот пакет, сбегай за хлебом. Деньги в пакете. Не потеряй!

Пожилая дама, наблюдавшая с соседней скамейки, проходя мимо них, проговорила с добродушной улыбкой:

— Художница растёт у вас.

— Да какое там. Скажите тоже, — недовольство полетело в сторону удаляющейся фигуры. Свои слова женщина подкрепила жестом, словно бы отмахиваясь от нежданного комментария.

Девочка услышала, а главное — запомнила слова незнакомки. «Я — художница», — отложилось в её голове.

* * *

Жизнь продолжалась своим чередом, но теперь на вопрос «Что делаешь?» и подобные ему Даша уверенно отвечала: «Рисую, я же художница!»

Над ней подтрунивали, шептались за её спиной, но во дворе и взрослые и дети постепенно начали в разговорах называть девочку «эта художница».

Подобные разговоры только злили Дашину маму, а соседка по подъезду активно поддерживала в ней негодование:

— Художница, ну что это за дело? Учиться надо на профессию, а не чирикать целыми днями.

Даша старательно училась и была одной из лучших в классе по успеваемости. Увидев на школьной доске объявлений сообщение об открытии студии изобразительного искусства,

она тайком от мамы в неё записалась. Почти год Даша хранила свой секрет, до момента объявления конкурса художественных работ учащихся изостудии. Дома девочка рассказала, что немного занималась и поэтому может участвовать, что победителя наградят, а уж она постарается отличиться.

— Что ты выдумываешь? Куда тебе на конкурс? — сомнение звучало в голосе матери. — А учёба как?

— Я успею, всё успею, — повторяла девочка, стараясь быть убедительной, — пожалуйста!

— Ну не знаю… Зачем?

Даша всё же начала готовить свою работу к выставке. Тему выбрала сама.

Она наносила мазки то вдумчиво, а то отпускала свою кисть в свободное движение по холсту. Переливающееся море, уходящее в бесконечность, волны, напрыгивающие на линию горизонта, робкий, еле заметный свет закатного солнца лишь отблесками показывался на воде. И там, на далёком, далёком мыске, в месте слияния моря и неба в одно, пронзительным светом маяк подаёт знак заплутавшим кораблям. Работа была готова. Даша назвала её «Далёкий маяк».

Школьная выставка стала настоящим событием в их городке. Учащиеся, их родители, знакомые и соседи пришли посмотреть, пообсуждать, ну и выбрать победителей. Троих лучших, по результатам зрительского голосования.

Даша была воодушевлена и взволнована тем, что создала и выставила, как ей казалось, взрослую работу художницы. Да и к своему образу Даша подошла со всем вниманием, надев темно-зелёный сарафан и белый бадлон. Никаких бантов. Свои приглаженные волосы она собрала в низкий хвост.

Заметное оживление царило в актовом зале, где по стенам были развешаны выставочные работы. Посетители смотрели и узнавали милые сердцу места:

— Вон наша горка зимой, — слышалось с одной стороны.

— Точно! Похоже. А это мы, санки… Смотри! — отзывались с другой стороны.

Соседский двор и дерево с подвесными качелями; букет полевых цветов и яблоки на кружевной бабушкиной скатерти; речка и утопающий в зелени деревенский домик. Всё это тоже нравилось Даше. Она замечала, как краснеют и смущаются ребята от похвал, но это приятное смущение. Она улыбалась, наблюдая радостные выражения на лицах людей, одобрительные, поддерживающие жесты. Улыбалась и ждала, стоя около своей картины.

Бойкий мальчишка из параллельного класса подскочил к ней.

— Что тут у тебя? — спросил с вызовом, прищурился и, заложив руки за спину, сделал шаг вперёд, а после попятился назад.

— Это море, уходящее вдаль и зовущее в путешествие, — начала рассказывать девочка, — и маяк, указывающий путь.

— Маяк?! Где маяк? — удивлённо перебил её мальчишка.

— Да вот же, там, вдали…

Недослушав объяснение, мальчик отвернулся и с криком:

— Парни, здесь у неё точка на воде! — помчался к своим друзьям, активно обсуждающим картину с названием «Футбольный матч».

Растерянная Даша искала глазами преподавательницу студии. Окруженная ребятами и их родителями, та изредка поглядывала в сторону девочки, различая её неподвижный силуэт среди многочисленной публики, как одинокий, проросший сквозь асфальт стебелёк. Она смогла лишь сочувственно пожать плечами и улыбнуться ей в ответ, хотя всё понимала и про глубину и силу морской глади, и про бесконечно далёкий свет, который есть и светит тем, кому он нужен.

Больше никто никаких вопросов Даше не задавал. Зрители, проходя мимо, чуть замедляли шаг, и взгляды их лишь скользили по «воде». «Точка на воде. Почему точка на воде?» — безостановочно крутилось в её голове.

Картина девочки не попала в число работ, награждённых дипломом победителя, и прочих, отмеченных поощрительными призами. Даша тихо ушла после торжественной части, бродила в сквере, а после пришла домой, собрала незаконченные эскизы и рисунки в папку, закрыла её, сложила краски в коробку и всё убрала в кладовку.

— Вот и правильно, хватит попусту время тратить. А я говорила…

Слова матери только укрепили в Даше решение в изостудию больше не возвращаться. Художницей себя она тоже больше не называла.

* * *

Мама радовалась и гордилась тем, что девочка у неё толковая, поступила в финансово-экономический вуз, живёт теперь в большом городе, учится, подрабатывает где-то в бухгалтерии, себя обеспечивает.

— Вот теперь я спокойна, — говорила она соседям, — с таким образованием хоть куда возьмут!

Училась Даша только благодаря своему усердию, да и работа её не увлекала. В общем, как-то справлялась.

Диплом о высшем образовании и опыт работы позволили ей устроиться в крупную компанию.

Руководитель отдела зорко следила за сроками, качеством и эффективностью труда. Даша не отличалась общительностью и сама не заметила, как всё чаще в свободную минутку доставала лист бумаги и рисовала.

— Что ты делаешь? — прозвучал строгий голос над головой Даши, и от резкого звука она вся встрепенулась, словно проснулась.

— Рисую

— На рабочем месте! — нескрываемое возмущение звучало в начальственном голосе. — Тебе заняться нечем?

— Есть у меня работа. Просто я не бегаю на перекур и кофе не пью, поэтому вот…

— Рисуй в другом месте, а здесь работают, — подытожила та напоследок.

Даша продолжила работать как прежде, как будто бы ничего особенного не произошло. «Ну, сделали мне замечание и что?» — размышляла она, но при этом всё чаще фантазия создавала ей картины того, как она задумалась и начала рисовать по привычке, а это видит начальница и…

Она, конечно, понимала, что её не уволят за это, но напряжение всё равно нарастало. Проработав так ещё три месяца, Даша уволилась. И устроилась в рекламное агентство дизайнером эксклюзивных рекламных материалов. Сменила один офис на другой. Завела знакомство с коллегой из отдела продаж. Девушки сдружились.

Приятельница, восхищенная её идеями и чувствованием цвета, частенько повторяла:

— С твоими-то способностями… Что ты здесь делаешь?

— Нормальная работа. Ты преувеличиваешь, — скромно отшучивалась Даша, каждый раз слыша комплименты своим эскизам.

— Знаешь, моя дочка учится в художественной школе, — однажды призналась ей подруга. — Дашуля, приходи посмотреть её конкурсные работы свежим взглядом. Они выставлены в художке. Может, что подскажешь ей. Пожа-а-а-луйста.

— Ладно, приду, — больше из вежливости согласилась она.

— Это сегодня. Я отпросилась пораньше, а ты — как закончишь… Словом, я тебя там буду ждать. Адрес скину.

— Хорошо, но не думаю…

— Просто приходи, — бросила на ходу подруга, удаляясь в свой отдел.

Не прошло и пяти минут, как шум из коридора ворвался в кабинет, вместе с источником шума:

— Что вы тут нарисовали, художества какие-то! — кричал из-за плеча начальника отдела продаж низкорослый, грузный мужчина, по-видимому, заказчик, тряся бумагами, похожими на макет проекта, над которым работала Даша. — У меня серьёзная фирма. Всё не годится! Я плачу деньги! Вы мне обещали… — Эти его слова уже были обращены ко всем: — Я требую переделать! Всё не годится…

— Сейчас всё решим, — с напускным спокойствием многократно повторял начальник отдела продаж.

Даша замерла, в горле её пересохло, она с усилием сглотнула слюну и срывающимся голосом произнесла:

— Я переделаю. Как вы хотите? Только не кричите.

— Конкретика нужна, чтобы всё было чётко и понятно! — всё ещё на повышенных тонах и активно жестикулируя, доносил своё видение концепции клиент.

— Конкретно, чётко, я поняла, — повторила Даша, пытаясь успокоить заказчика, сама же при этом дрожала всем телом.

Вечером она шла на выставку в художественную школу только потому, что обещала единственной подруге. Вышла на остановку раньше, шла пешком, чтобы хоть как-то унять бившуюся в ней обиду: «Разве можно так кричать? Я же… Я же старалась!»

Днём прошёл дождь. Проезжавшая мимо машина на скорости вкатилась в лужу, и мокрые, грязевые кляксы густо усеяли её новенький плащ цвета полыни.

— Я… я… я… — ничего не замечая вокруг, чуть слышно повторяла Даша сквозь слёзы, словно ей не хватало сил выдохнуть.

Проходящий мимо солидный, пожилой господин с зонтом в руке, в виде трости, остановился и участливо обратился к ней:

— Что? Что с вами?

— Я, я — художница, — практически закричала Даша.

— Так, хорошо, — произнёс господин без всякого смущения и удивления, — и что же вы пишете, позвольте узнать?

— Картины, — несколько вызывающе, в сердцах ответила она и добавила, — писала.

— А посмотреть их можно?

От неожиданности Даша округлила глаза, не решаясь хоть что-то ответить.

— Знаете что, — господин посмотрел на часы, — сейчас я тороплюсь на выставку в художественную школу. Я, знаете ли, приглашён быть председателем жюри конкурса юных талантов. Какое же это сложное, скажу я вам, и ответственное дело — оценивать начинающих художников. Но я попытаюсь.

— А я тоже иду на эту выставку! — подхватила она разговор.

— Вот и прекрасно! Пойдёмте же, нехорошо заставлять себя ждать. По дороге познакомимся.

Господин оказался ведущим преподавателем художественной академии, в которую в скорости и поступила Даша, с удовольствием училась и с успехом окончила.

С той самой судьбоносной встречи на пороге художественной школы Даша больше не сомневалась, что она — художница. С тех пор при каждом удобном случае она с гордостью называла своё имя и сообщала: «Я — художница». Позднее эта фраза стала длиннее: «Я — художница. У меня проходит персональная выставка. Приходите!» А с годами — ещё значи-

тельнее: «Я — художница. Мои работы вы можете видеть в частных коллекциях и центральной арт-галерее города».

Глазированный сырок

«Юля, привет! Буду в вашем городе во вторник, на несколько дней по делам. Смогу в среду днём встретиться на пару часов. Что ты об этом думаешь?»

Вот такое смс-сообщение я получила от своей подруги студенческой поры Олечки, с которой мы вместе учились и окончили местный универ и которая пять лет назад перебралась в Москву. Удачно, надо сказать, перебралась, в смысле реализации карьерных мечтаний, что подтверждается тем, что я так и осталась для коллег на работе незаменимой Юленькой, а Ольга выросла в Ольгу Сергеевну, с грузом полномочий и ответственности за грамотные финансовые решения крупной компании.

«Что я об этом думаю?» — повторила я заданный вопрос вслух. Я была возмущена и не собиралась скрывать своего несогласия, отвечая: «На пару часов?! Ты серьёзно! Да мне пары дней не хватит, чтобы тебя обо всём расспросить и всё тебе рассказать. Словом, я настаиваю на половине среды: с обеда и до позднего вечера». «Мы же не виделись почти три года…» — дописала я в следующем сообщении, оставляя троеточие как усилитель эмоции, в надежде, что это повлияет и естественным образом растянет время нашего общения.

Через три часа на мой словесный выпад пришёл лаконичный ответ: «Договорились». «Вот и хорошо!» — мысленно подытожила я наше соглашение.

— Во вторник Ольга приедет… — крикнула из кухни проходящему по коридору мужу.

— Это та, которая в Москве?

— Угу, — подтвердила я и добавила: — По делам. Написала, что со мной хочет встретиться.

— Пойдёте куда-то или у нас посидите? — уточнил он.

— Я пока не знаю, мы не обсуждали…

— Ладно. Предупреди, когда решите. Посмотрю, что там со сменами или маму попрошу забрать детей из сада, — сказал и двинулся в сторону комнаты, из которой доносились крики и возня мальчишек, неизбежная во всякой затеваемой ими игре.

У нас их двое. Они пришли в нашу с мужем жизнь с разницей в два года. Думала, что со вторым будет легче, ведь уже есть опыт, но они такие разные… Выручает и даёт мне выдохнуть готовность мужа с энтузиазмом участвовать в их активностях. А как он выбирает для них игрушки! Словно для себя. Неважно. Главное, что играют вместе.

«Редко встречаемся, конечно. Не на кухне же мы будем сидеть за разговорами. Я отвлекаться буду». Известная история: стоит кому-то в гости зайти, тут же центр ребячьих игр из детской перемещается и вплетается в пространство и разговоры взрослых. Всё начинается с просьб: мне попить; мам, тут чешется, посмотри; я ударился, потри и множество иных вариантов, а заканчивается: мы посидим с вами, мы тихо. Так, поговорить обо всём уже не получается. А ещё заметила, что размеренные разговоры взрослых вызывают в детях непреодолимое желание развлечь и удивить гостей своими творческими способностями: чтением стихов, неожиданным и громким напеванием популярной песни, исполнением ритмичного танца, демонстрацией рисунков и сюжетных композиций из пластилина, с подробным объяснением, что изображено и почему так, а не иначе, чтоб, в идеале, вовлечь взрослых в свои затеи. Остаётся удивляться детской фантазии, откликаясь, поддерживая, неустанно рассыпая похвалы.

«Да, куда-то стоит пойти. Сейчас такая красивая осень. Нужно придумать что-то запоминающееся. Как подарок от меня. И я давненько нигде не была. Сегодня четверг, и у меня есть время подготовить культурную программу».

Два дня я звонила знакомым, спрашивая рекомендации о том, куда сходить и что стоит посмотреть. А после металась по сайтам с афишами событий на нужную дату, читала, бронировала. В воскресенье вечером, выкупив билеты в театр и продумав маршрут прогулки через

нарядный сквер к обновлённой набережной, с посещением магазинчика удивительных вещей и модной выставки современных художников, я удовлетворённо выдохнула.

Готовя сюрприз, я всё же написала Ольге, приоткрывая завесу, так сказать: «Приглашаю пойти в театр, и прогуляемся по городу. Будет интересно. Готовься. До встречи!» В ответ я получила: «Договорились», уже знакомое мне и всё же вызвавшее удивление с примесью разочарования. Что-то другое я ожидала прочесть, менее официальное, что ли.

Мне не давали покоя сомнения: «Стоило ли затевать этот сюрприз? И кого я жду в гости: подругу или уже просто знакомую…» Размышляя, я продолжала просматривать содержимое шкафа, словно пролистывая страницы многократно прочитанной книги, в попытке определиться: платье или юбка. Выбрала удлинённую прямую юбку и свитер жемчужного цвета, с объёмными рукавами и воротом-хомут. Добавить нарядности образу была призвана брошь из шёлка, в форме цветка. «В театр, как-никак, пойдём. А так, тепло и красиво получилось».

Только в понедельник вечером, заглянув в прогноз погоды и убедившись, что погода обещает быть отзывчивой на мои планы, я поняла, что не знаю, где Оля будет жить и нужно ли её встречать. Сделала безрезультатную попытку дозвониться и вновь оставила сообщение: «Тебя встретить?», сама удивляясь тому, как оно стало похоже на её односложные ответы. Оля вновь удивила, теперь уже многословностью: «Встречать не нужно. Остановлюсь в гостинице, в центре. Все подробности завтра. Спасибо». «Понятно». Что тут ещё скажешь?

Олино сообщение застало меня в троллейбусе, по дороге на работу: «Встретимся завтра в 14:00 в лобби-баре» — и ссылка на сайт гостиницы. Я тут же набрала: «Хорошо!» Так моё хорошее настроение отправилось по невидимым каналам связи и, только выйдя из троллейбуса, шагая к зданию бизнес-центра, я поняла, что стоило предложить иное место встречи, более подходящее под запланированный прогулочный маршрут. «Не сообразила. Что ж, буду стараться успевать».

На работе я отпросилась и ушла с обеда. Добиралась с пересадкой, и в назначенное время, с улыбкой на лице, несколько взволнованная предстоящей встречей, я решительно вошла с парадного входа гостиницы. Вошла, и тут же решительность моя улетучилась. Я оказалась как буёк в открытом море: пространства много, а куда двигаться — непонятно, мялась у входа, растерянно мотая головой из стороны в сторону в поисках нужного бара. Моё внимание цеплялось, то за мрамор ступеней винтовой лестницы, уходящей ввысь, в небо, проглядывающее сквозь стекло, то за буйную растительность на стене, за которой мелодично струилась вода, то за светильники, которые, как лианы из металла и стекла, создавали спираль, зависшую в воздухе.

Вопросительные взгляды работников гостиницы застряли на мне и скорее мешали принять решение, побуждая выйти на улицу и ждать там.

— Вы — наш гость? — вкрадчивый женский голос появился из ниоткуда и начал разговор.

— Нет. У меня здесь подруга. Она у вас здесь остановилась, — начала объяснять я, оборачиваясь на голос, теребя в руках свою шапку крупной вязки.

Под пристальным вниманием персонала мне было неловко за своё простенькое синтепоновое пальтишко; самодельную, обшитую кусочком бархата, с пришитыми бусинами, резинку в волосах; за поношенные сапоги на плоском ходу, очень удобные для длительных прогулок, но которыми я умудрилась уже заметно отметиться грязными следами на мраморном полу.

— Пройдёмте на ресепшен, там вам подскажут, — продолжила проявлять гостеприимство сотрудница гостиницы, сопровождая свои слова жестом.

Никуда идти не пришлось.

Ритмичный стук каблучков уверенно надвигался из глубины коридора. Взгляды моментально отпустили меня и переключились на источник звука.

Оля шла неторопливо, твёрдой походкой. Спокойное выражение лица и взгляд, устремлённый вперёд. Выглядела она сосредоточенно-изысканной, напоминая бутон цветка, лепестки которого всё светлее, по мере приближения к сердцевине. Вот так и Ольга, от светло бежевой блузы до пальто цвета молочного шоколада, расклешенных брюк в тон и шейного платка, обрамляла свою ухоженность шелками и кашемиром. Блеск холодного блонда волос, акцентные украшения, миниатюрная кожаная сумка на ремешке-цепочке и ботильоны на шпильке, контрастирующие цветом и тем привлекающие внимание, чарующий аромат духов, передающий вкус созревших плодов, обволакивал, готовый забраться сквозь кожу, завершал образ.

Увидев меня, она чуть ускорила шаг и сдержанно улыбнулась. Я стояла не шевелясь.

— Ну привет, — произнесла Оля низким, показавшимся мне незнакомым, голосом.

Жестом рук с открытыми ладонями она давала понять, что можно подойти и обнять её — элегантную, взрослую, красивую и совсем чужую. Я подошла и со словами: «Привет! Как дела?» — неловко, как смущённый подросток, лишь слегка приобняла её, почти не касаясь, и тут же отпрянула.

Я ждала её с желанием выплеснуть свою радость от встречи, напитанную воспоминаниями прошлого, где мы, каких-то семь лет назад, открыто делились мечтами и любовными переживаниями, шутили, одалживали друг другу наряды, собираясь на свидание, смеялись и плакали, мы — дружили. А теперь от неё веяло сдержанностью и отстранённостью, что вызывало во мне скованность. Ещё мгновение, и я начала бы обращаться к Оле на «вы». Мысли неслись в голове: «Но ведь что-то нас сблизило в юности? Интересы, вкусы? Пожалуй, в первую очередь то, что мы одни из немногих в группе интересовались учёбой и планировали работать по специальности. И работаем. Что-то ещё?»

Меня в юности восхищала Олина целеустремлённость и умение отстаивать своё мнение, да и вообще его иметь. Я старалась перенять её манеру одеваться и уверенно держаться в компании. Я читала книги, смотрела фильмы по её рекомендации. Наносить макияж меня тоже учила Оля. Ей была приятна роль наставницы и моё внимательное слушание всего того, что она говорила. Старалась подражать, но похожей на неё я так и не стала.

Мы вышли на улицу. Городская суета оказалась спасительной. Оля оживилась и заговорила своим голосом:

— Ты хотела прогуляться. У площади, в начале проспекта есть симпатичный ресторанчик. Я там была с партнёрами. Пройдёмся до него. Поужинаем. Оттуда возьмем такси — и в театр. Ты в какой взяла билеты? — сказала, повернулась в сторону проспекта, готовая идти.

Я продолжала стоять. Олины слова звучали в голове, разрывая подготовленный сюрприз на мелкие кусочки, от чего мысли мои засуетились в растерянности. Я пыталась их собрать и организовать в слова так, чтобы объяснить свою задумку.

— Я, я не так всё хотела, — негромко всё же вступила я в разговор.

— Не так! А как? — в её словах звучало удивление, словно, по-иному и быть не могло.

— Я хотела показать тебе сквер, и выставочный зал, и, — я замялась, стараясь не раскрывать интригу, — ещё одно местечко. Там интересно! Но ты на каблуках, теперь я не знаю…

— И что! Ерунда, я привыкла. Интересно говоришь. — Оля явно принимала решение. Я кивнула для убедительности. — Пошли! Куда, показывай!

— Отсюда, — я огляделась по сторонам, — удобнее сначала на выставку, затем к набережной, как раз через сквер.

И мы пошли.

Бродили неспешно по выставочным залам. Оля с интересом рассматривала работы, какие-то фотографировала, комментировала, задавала вопросы организаторам экспозиции, уточняя сведения об авторах.

Выйдя из арт-пространства, Оля потянула меня через дорогу к магазину с ярко освещёнными, панорамными витринами.

— Заглянем. Я его ещё на входе заприметила.

Мы зашли в просторный, светлый торговый зал, умеренно наполненный стеллажами, стойками для одежд, манекенами. Звучала приятная мелодия. Приятно улыбались лица продавцов, готовых быть полезными. В таких местах мне хочется рассматривать работу дизайнеров, всю эту придуманную продуманность во всём.

Оля не осматриваясь, энергично проследовала вглубь. Ей хватило одного взгляда, чтобы выбрать стильные сапожки на платформе и, направляясь к кассе, прихватить с манекена палантин в тон своего пальто.

— У вас, я надеюсь, доставка имеется? — уже у кассы уточнила Оля.

— Да, конечно, — ответила кассир, принимая оплату.

— Отлично! Я пойду в новых, а эти, — Оля указала на свои ботильоны, — доставьте вот сюда. — И протянула свою визитку, указав название гостиницы на её обороте.

Оля быстро переоделась в уютные сапожки и аккуратно накинула палантин, укрывая голову и плечи.

— Всем спасибо, — довольно громко произнесла Оля, направляясь к выходу, увлекая меня за собой.

Сквер не подвёл. Я была здесь года полтора назад, когда его только открыли. Теперь же он выглядел обжитым и нарядным. Вымощенные, скруглённые дорожки огибали ухоженные газоны. В центральной части одного из них распустившимся цветком прорастал фонтан. Подросшие клёны, кроны которых уже тронуты осенью, добавляли красок в городской пейзаж, так же как и ещё цветущие кустовые розы. На клумбах и в цветочных вазах на витых подставках, из которых, словно стремились пролиться цветущим водопадом, красовались петунии. Здесь словно сошлись в многоцветии лето и осень.

Мы гуляли в окружении красоты, созданной с любовью. Всё чаще фразы начинались со слов: «А помнишь…», и я заметила, как заулыбались Олины глаза, как слова и жесты рук приобрели естественность. Она начала «оттаивать» и становилась похожей на себя прежнюю. В моей сумке зашевелился телефон, подавая музыкальный сигнал. Это муж напоминал о себе:

— Привет! Ну, как там у вас?

— Хорошо. Мы гуляем в сквере. Здесь так красиво! Я тебе дома расскажу. А ты где? — В трубке слышалась музыка и голоса сыновей.

— Мальчишек я забрал. Сейчас едем к маме. Я ей утром позвонил, а она, как обычно, засуетилась, что-то весь день пекла и нас ждёт. Так что — мы в гости. На обратном пути можем тебя забрать. Во сколько спектакль закончится?

— Пока не знаю. Надеюсь, что не поздно. Было бы хорошо… Я напишу тебе. Спасибо!

— Давай, пока!

— Целую! — улыбаясь, добавила я и сунула телефон обратно в сумку.

На протяжении всего нашего с мужем разговора Оля осматривалась по сторонам, но не отходила от меня. Мне даже показалось, что она хотела услышать то, о чём мы говорили.

Добротные скамейки с витиеватыми перилами были очень кстати, но мы присели на качели на цепях с навесом, такие, как были популярны в нашем детстве, но нового оригинального дизайна.

— Оля, как ты поживаешь? — не удержалась я от желания узнать новости.

— Нормально живу. Много работы. Расширяемся в холдинг. Да что о ней говорить… Расскажи лучше о себе, — в её словах звучал неподдельный интерес.

— Работаю там же. Коллектив хороший. Мои заботы — это мои мальчишки. Ты же знаешь, у меня двое парней и муж, то есть — трое. Три растущих организма. Готовка, домашние хлопоты. Старший в следующем году в школу пойдёт. Не знаю, как я буду успевать забирать его с продлёнки. Будем свекровь просить. — И добавила в порыве откровенности: — Я хочу ещё доченьку, малышку…

— Ты готова ещё родить? — не сдержав удивление, спросила Оля.

— Мальчишки подросли. Мужа на работе ценят. По деньгам — нормально. Да, я чувствую сейчас, что готова. Я, когда ждала первого ребёнка, начала вязать. Знаешь зачем? — Я вопросительно посмотрела на Олю.

— Чтобы не скучно было… — неуверенным голосом произнесла Оля.

— Нет. Просто однажды я подумала: «А что, если родится девочка, чему я её буду учить?» Пока вяжу для удовольствия. Это здорово успокаивает! Когда стало получаться, я жутко радовалась и на энтузиазме навязала к Новому году и мужу, и свекрови подарков разных, а сейчас всё больше для детей. Вот, шапка на мне и шарф — это я связала. — Оля внимательно рассматривала мой шарф, держа в руке его край.

— Я бы не подумала, что так аккуратно можно руками связать. Красиво!

— Можно, если умеешь. А со вторым ребёнком училась шить. Вечно нужно было что-то подшить, перешить. Ничего необычного, конечно, не создаю, больше для дома разное, да мягкие игрушки. Со швейной машинкой, так сказать, подружилась.

Оля слушала молча, погружённая в свои мысли.

— Хорошо, когда есть о ком заботиться, — наконец заговорила она с улыбкой на лице и грустью в глазах. — Счастливая ты!

— Так а ты что же! Есть планы на брак? — спросила я и тут же почувствовала неловкость от того, что Оля отвела глаза в сторону и задумчиво молчала. «Хоть мы и подруги, может, я затронула очень личное?»

— Я любила одного человека, точнее — люблю, — начала она, — но это неважно. Мы расстались, поэтому… — Оля подбирала слова. — Словом, не срослось, а формальных отношений я не хочу, да мне и некогда.

— Понятно, — протянула я.

Хотя мне было совсем не понятно: как такая красавица, труженица, окружённая, я уверена, вниманием множества мужчин, а любит безответно, от этого — живёт одна.

— Пойдём уже, что-то я начала подмерзать, — прервала Оля мой внутренний поток рассуждений.

На выходе из сквера у Оли зазвонил телефон. Прежде чем ответить, она бросила взгляд на экран.

— Это с работы. Минуту, я отвечу. — В то же мгновение, переменившись в лице и в голосе, она нырнула всем своим вниманием в телефон.

— Слушаю, — ответила и действительно внимательно слушала.

Приглушённый и требовательный голос прервал молчание:

— А с чего вы взяли, что я озвучу вам готовое решение? Это ваша работа. — Твёрдость звучала в каждом Олином слове. — А если вы сомневаетесь, то вы не соответствуете занимаемой должности, — сказано было уже на повышенных тонах. От её слов я всё больше внутренне сжималась и втягивала голову в плечи, стараясь казаться невидимой, словно они были обращены мне. — Примите решение и пришлите мне документы до конца дня на почту.

Оля сунула телефон в карман.

— Так надоела эта дерготня, а отключить его не могу — всегда должна быть на связи, мало ли что, — с досадой проговорила Оля, глядя на меня.

Я понимающе хмыкнула, а про себя подумала: «А я — могу. Дети с мужем в гостях у свекрови. Она их кормит пирогом и гладит по голове». Я заметила, как она каждый раз, рассадив их за столом, разложив по два-три куска каждому, наблюдает, как они едят, и, не в силах усидеть, бежит вдоль стола на кухню и обратно с вареньем или конфетами, и, проходя, гладит по голове своего сына, внуков, целуя в макушки. «Я — могу», — ещё раз повторила я, улыбнулась, взяла Олю под руку, и мы зашагали по мощёной пешеходной улочке старинной части города.

Здесь сохранена эстетика прошлого, здесь живёт неспешность, сказки, а может быть, быль, выглядывая из окошек. Будто бы случайно оставленные приоткрытыми, двери манят заглянуть.

В одну из таких дверей мы и зашли. Оказались в магазине-мастерской удивительных вещиц. Было трудно поверить в то, что все эти диковинные работы сделаны вручную, усердием и фантазией мастеровых людей. Мы совсем потеряли счёт времени, рассматривая, любуясь и примеряя необычные изделия из кожи, пряжи, дерева, глины, войлока и шёлка, натуральных камней и стекла. Мы ходили от витрины к витрине, от многоярусного стеллажа к прилавку, где на нас отовсюду смотрели работы, которые хотелось взять в руки, познакомиться с ними, чтобы больше не расставаться, а иметь у себя.

Я наблюдала за Олей, которая радовалась милым, искусно выполненным вещицам, всё чаще восклицая: «Как мне нравится! Вот это я возьму!» Набрался целый пакет покупок. Я не ошиблась, что привела её сюда. Ещё сложнее было оттуда уйти.

— Я оплачу сегодня, а заберу завтра, — договаривалась Оля с хозяйкой магазинчика и продавцом в одном лице. — Вы же завтра работаете?

— Да можете и оплатить завтра. Вдруг что-то ещё присмотрите.

— Я оплачу сегодня, — настояла Оля, доставая кошелёк, — если у меня не будет получаться заехать, то я пришлю к вам кого-нибудь за пакетом. У вас есть визитки?

Хозяйка пробила чек и приколола его к рекламному флаеру, протянула Оле. Та улыбнулась, сложила его пополам и убрала в боковой карман сумочки. Мы раскланялись, обмениваясь взаимными комплиментами, я обещала заходить к ним чаще, и, взбодрённые атмосферой творчества, выскочили на улицу.

Времени на ужин в ресторане уже не было, а нагулянный аппетит давал о себе знать. Оставалось одно — перекусить в кафе быстрого питания. Я знала, что по дороге мы встретим не одно подходящее заведение, и, заприметив впереди знакомую яркую вывеску сетевого кафе, ускорила шаг, увлекая за собой Олю.

— Давненько я не была в бистро, — проговорила Оля так, чтобы слышно было только мне, входя и осматриваясь по сторонам уютного кафе, потирая озябшие руки.

Мы прошли в глубину зала к витринам, где в изобилии красовались десерты, выпечка, контейнеры с салатами, готовыми вторыми блюдами и супы. Оля изучала содержимое витрин. Место проходное, гости оживлённо входили и выходили, перемещались с подносами в поисках свободного столика. Я поспешила занять очередь, помня об ограниченности во времени. Оля присоединилась ко мне, продолжая взглядом бродить по информационным вывескам и витрине.

— Хочу что-нибудь тёпленькое, чтобы согреться. Пироги я не ем, а вот суп-пюре — подойдёт и кофе. А ты что возьмёшь?

— Я тоже суп тыквенный возьму, кофе и десерт.

— Десерт, — повторила за мной Оля, — раз сегодня действуем по твоему плану, я тоже буду десерт. Посоветуешь?

Мне ассортимент был знаком, я частенько захожу в подобные места, а это было — одно из полюбившихся.

— Здесь я несколько раз брала вот этот. — И я указала на витрину. — Мне очень понравился! Нежнейшее твороженное суфле с фруктовой прослойкой конфитюра. Не очень сладкий. Рекомендую!

— Выглядит симпатично! Хорошо, я возьму попробовать.

— А я тогда возьму что-нибудь другое, что ещё не брала. — И я с азартом включилась в выбор. — Вот этот, с карамелью и орешками.

Подошла наша очередь. Мы сделали заказ. Дальше мне пришлось распоряжаться, подсказывая Оле, где что брать. Двигаясь в поисках свободного места, мы обзавелись пластиковыми приборами и салфетками и наконец-то присели у окна.

Ели шустро, без разговоров. Справились с супом и приступили к десертам.

Отделяя и поглощая кусочки мягкого шоколадного бисквита, пропитанного карамельной помадкой, я сделала для себя вывод, что хоть это и десерт, но для меня слишком сладкий.

— Оля, хочешь попробовать? На мой вкус слишком сладкий… — Я подняла глаза на подругу.

Оля меня будто бы не слышала. Она сосредоточенно при помощи ножа и вилки отпиливала кусочки, каждый из которых давался ей со значительным усилием.

— Он что — твёрдый? — с нескрываемым удивлением спросила я.

— Ага, — откликнулась Оля, не отрываясь от своего занятия.

— Но он должен быть мягким, воздушным. Я ничего не понимаю…

И тут меня посетила догадка о том, что десерты в кафе не готовят, а доставляют замороженными. То ли в спешке, то ли по незнанию работника-стажёра не размороженный продукт оказался на витрине, а в скорости на Олиной тарелке. Мне было неловко, ведь это я насоветовала ей именно это пирожное попробовать, да ещё нахваливала его, и кафе выбирала я.

— Оля, постой. Давай его заменим. Он же совсем не такой, каким должен быть, и холодный…

— Не надо, — ответила мне Оля.

Вилка в её руке сломалась. Она сходила за новой вилкой и продолжила попытки справиться с лакомством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.